

Феликс МЕДВЕДЕВ

ОКНО
ИСТОРИЮ

Мои Великие
старухи

Дорогой
Феликсу
Сердечный
Ольга
Слав

ghv®

**ОКНО
В
ИСТОРИЮ**

Феликс МЕДВЕДЕВ

Мои Великие
старухи

Санкт-Петербург

«БХВ-Петербург»

2011

УДК 929
ББК Т.3(0)
М42

Медведев Ф. Н.

М42 Мои Великие старухи. — СПб.: БХВ-Петербург,
2011. — 432 с. — (Окно в историю)
ISBN 978-5-9775-0756-1

Блистательный журналист, легендарный «огоньковец» Феликс Медведев рассказывает в книге о встречах и дружбе со знаменитыми, яркими женщинами, чьи судьбы совпали с драматическими разломами XX века: дочерью поэта К. Р. княжной Верой Романовой, Ниной Берберовой, Клавдией Шульженко, Франсуазой Саган, Анастасией Цветаевой, Натали Саррот, княжной Екатериной Мещерской, вдовой разведчика Руфиной Филби, поэтессой, княгиней Ольгой Чегодаевой-Капабланка-Кларк, Анной Бухариной-Лариной, Анной Ахматовой, сталинским министром Марией Ковригиной... Книгу иллюстрируют уникальные фотографии, подаренные автору его собеседницами.

Для широкого круга читателей

УДК 929
ББК Т.3(0)

ISBN 978-5-9775-0756-1

© Медведев Ф. Н., 2011
© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2011

Оглавление

Время выбрало его в свои любимчики	9
Мой «Титаник» не затонул.....	13
Глава 1. Мимолетная встреча с Анной Ахматовой	19
Глава 2. Мария Ковригина: женщина-министр	31
Глава 3. Визиты к «железной старухе» Мариэтте Шагинян	40
Глава 4. Клавдия Шульженко: она отказалась петь для Сталина.....	47
Глава 5. Варвара Бубнова: великая русская художница.....	54
Глава 6. Новелла Матвеева: менестрель, желавшая лучшей жизни для себя и для других	58
Глава 7. Мария Чагина: поэты ей посвящали стихи	65
Глава 8. О Людмиле Кирсановой. Находка в моем архиве... ..	72
Глава 9. Галина Серебрякова: она воспела женщин Французской революции	83
Глава 10. Татьяна Ройзман: хозяйка шкафа с «прижизненным Есениным»	91
Глава 11. Дочь своего отца — Софья Радек	99
Глава 12. Красавица Анна Бухарина и чудовище Иосиф Сталин.....	112
Глава 13. Непримируемая Зинаида Шаховская.....	132
Глава 14. Екатерина Мещерская: бывшая княжна, бывшая дворничиха.....	147

Глава 15. Встреча с дочерью Соломона Михоэлса.....	158
Глава 16. Встреча с Великой княжной Верой Романовой	160
Глава 17. Натали Саррот: парижанка из Иваново	167
Глава 18. Нина Берберова: эмиграция — это ее крест.....	183
Глава 19. Франсуаза Саган: писательница, игрок, искательница приключений.....	205
Глава 20. Исса Панина: великая вдова пророка	217
Глава 21. Ольга Чегодаева-Капабланка-Кларк: русская княгиня, «солнечная девочка».....	223
Глава 22. Фантомное интервью с Гретой Гарбо	239
Глава 23. Джуна Давиташвили: творец чуда.....	242
Глава 24. Телеинтервью в Париже «со старой дамой» Ольгой Голицыной	251
Глава 25. Татьяна Лещенко-Сухомлина: вспоминает, рассказывает, поет... и открывает мне Париж	260
Глава 26. Графиня Разумовская о Марине Цветаевой	287
Глава 27. Тягостные разговоры с Татьяной Самойловой	294
Глава 28. Цыганка Валентина Пономарева не гадает.....	301
Глава 29. Алла Баянова: «я ощущаю, что не сделала великой карьеры»	312
Глава 30. Анель Судакевич: последняя звезда немого кино..	318
Глава 31. Вещие сны Нонны Мордюковой	331
Глава 32. Анастасия Цветаева: о религии, об искусстве, о сестре	336
Глава 33. Анна Черненко: «я заплакала, когда муж стал генсеком»	344
Глава 34. Ольга Аросева: «люблю людей, которые смеются»	349
Глава 35. Наталья Решетовская: последнее интервью	355
Глава 36. Екатерина Васильева: горькая исповедь.....	360
Глава 37. Руфина Филби: она любила шпиона номер один ..	368
Глава 38. Нина Ильюшенко-Родинова: рассказ дочери репрессированного полковника	381

Глава 39. Нами Микоян: «моя жизнь не была раем...»	386
Глава 40. Воспоминания Ганны Клячко.....	401
Глава 41. Мария Розанова: женщина с мужским характером.....	410
Глава 42. Инна Фрумкина: интеллектуалка, книжница, племянница великого ученого XX века	413
Глава 43. Галина Каландадзе-Баскова: ее кухня была приютом будущих кумиров	417
Примечания.....	425

Время выбрало его в свои любимчики

На заре горбачевской перестройки судьба забросила меня в далекий город Иркутск, где после окончания режиссерского факультета Ленинградского института театра, музыки и кинематографии предстояло на местной киностудии клепать из месяца в месяц никому не нужный киножурнал. Безвременье, убогость человеческого быта, дикость провинциальных властей — было от чего завывать. Но какой же безмерной надеждой загорались глаза людей, когда на их посеревшие от беспросветных будней лица вдруг падали блики свеженапечатанных, вкусно пахнущих типографской краской номеров журнала «Огонек»! Того самого, «перестроечного», преображенного Виталием Коротичем в какую-то поистине «райскую птицу» на фоне удручающей своей бездарностью продукции «Союзпечати».

Казалось, эта жар-птица залетала к нам из какого-то «прекрасного далека». Казалось, вот она, та единственная в мире Формула Счастья, в поисках которой мы блуждали в кромешной тьме все эти нестерпимые казенные десятилетия. Для меня, но думаю, и для многих главной приманкой любого номера «Огонька» становились поистине ослепительные материалы за подписью таинственного Феликса Медведева, популярность которого в народе была сногосшибательной. Журналы с его интервью и статьями бук-

важно рвали из рук. Мне, скажем, и по сей день не стыдно признаться в том, что я, взрослый мужик, с усердием примерного ученика вырезал очередную медведевскую публикацию, дабы поместить ее, как какого-нибудь редкостного радужного махаона, между листами скучной конторской книги. Где она теперь, та книга? Зачем мне было это нужно, что я собирался делать дальше с той странноватой коллекцией вырезок? Бог его ведает. Думаю, что это было нечто инстинктивно-рефлекторное, подобное действиям пчелы, набивающей себе брюшко нектаром и не задающей вопросом, зачем она это делает... Тайнственность же, я бы сказал, фантастичность образу Ф. Медведева придавала прежде всего та легкость необычайная, с которой этот господин перемещался по всему свету. Спектр его ярких опусов был ошеломляюще пестр: хлесткие злободневные интервью со знаменитыми писателями, актерами, деятелями кино, художниками (Ч. Айтматовым, С. Михалковым, С. Образцовым, И. Глазуновым, Е. Евтушенко, Э. Климовым); объемные исторические экскурсии, подобные сенсационному «бухаринскому» (шестиполосному!) материалу, сделанному на основе бесед с вдовой «золотого дитя революции» Анной Лариной-Бухариной; такие уникальные признания, как исповедь Арсения Тарковского, в которой впервые «озвучивалось» последнее в жизни письмо его сына Андрея, гениального режиссера, умирающего в Париже от рака и открыто называющего фамилии тех, кто насильственно загнал его в эмиграцию...

Такое уж, видимо, было время, само избиравшее своих любимчиков. На этот раз его любимчиком стал журналист Ф. Медведев, оказавшийся в нужный момент в нужном месте. Да, в общем хоре голосов времени звучала, как туго взведенная струна, интонация журналиста, вызывавшего своих героев на откровенный разговор и добивавшегося предельной искренности. Как явствовало из «огоньковской» хроники, неумный Ф. Медведев также успевал проводить творческие вечера журнала в многотысячных залах Москвы, Ленинграда, Киева, Таллина, Дубны... Когда

открылись границы, известный интервьюер посетил многие страны, где проживали наши соотечественники. Он рассказывал о них в журнале и на телевидении. Его авторская телепрограмма «Зеленая лампа» была для московской интеллигенции символом набравшей силу гласности. Когда позже, через несколько лет, я узнал, что знаковая ентушенковская антология «Русская муза XX века» делалась тоже с участием Феликса Медведева, библиофила, знатока поэзии, я не очень удивился. Другими словами, в ту баснословную эпоху журналист Медведев был, что называется, на виду у всей страны.

Мог ли я предполагать, сидя в своей сибирской «ссылке», что судьба сведет меня с этой феерической личностью? В конце 90-х в Москве я познакомился с Ф. Медведевым в одном из крупных издательских холдингов. Мой кумир оказался темноволосым, подтянутым, элегантно одетым джентльменом лет сорока с небольшим (как потом, к моему удивлению, оказалось, он родился 22 июня 1941 года), со стремительной походкой и острым, внимательным взглядом. Это были уже другие времена: кончалась лихая ельцинская эпоха. Того «Огонька», который был для меня магическим, уже не существовало. Но имя Ф. Медведева, появлявшееся в рубриках многих столичных изданий, таких как «АиФ», «Вечерний клуб», «Книжное обозрение», «Новые известия», «Мир новостей», по-прежнему притягивало читателей. Полновесность его интенсивной творческой деятельности придавал выход книг. От сборников интервью с мировыми знаменитостями и выдающимися нашими современниками до документального детектива о гибели принцессы Дианы, с которой, как оказалось, он тоже общался. Здесь беру на себя смелость причислить журналиста-мэтра к племени так называемых последних романтиков. А это значит, что молодости духа Феликсу не занимать и сегодня.

Подняв свои неиссякаемые журналистские архивы, он выпускает в свет новую портретную галерею знаковых фигур ушедшего бурного XX века. И здесь творческая

фантазия Медведева не дала сбой: книга посвящена драматическим судьбам необыкновенных русских женщин, с которыми он встречался в разные годы в разных странах. Что особенно трогает, наряду с суперузнаваемыми героинями, такими как Анна Ахматова, Нина Берберова, Натали Саррот, автор представляет читателю целый ряд интереснейших историй жизни «великих старух», открытых самим журналистом, — княгини Ольги Капабланки-Кларк (США), цветаева Марию Разумовской (Австрия), княжны Екатерины Мещерской, вдовы крупнейшего разведчика XX века Руфины Филби...

Напоследок хочу сказать, что по-прежнему буду ждать выхода новых биографических открытий Феликса Медведева. С годами сам узнавший, как непросто дается журналисту, писателю работа с таким «материалом», как человеческая судьба, жизнь, душа, я с удовольствием рекомендую читателю эту уникальную книгу.

**Владислав Чеботарев,
кинорежиссер, журналист**

Мой «Титаник» не затонул

Эту книгу с почти шокирующим названием «Мои Великие старухи» я задумал двадцать лет назад. Она складывалась из публикаций в журналах «Огонек» (где я работал с 1975 по 1990 год), «Родина», из телевизионных передач «Парижские диалоги», «Избранницы» и, конечно же, из программы «Зеленая лампа», которая записывалась прямо в моей квартире на Покровке. Перед телекамерами рассказывали о своей жизни не только москвички, но и приезжавшие в перестроечные годы из разных стран на родину представительницы дворянских знатных родов России, оказавшиеся в «года глухие» в эмиграции.

К тому же, горевший библиофильской страстью, я вел на сценах Центрального дома литераторов, Центрального дома архитекторов, Центрального дома медработников встречи книголюбских клубов, собиравшие полные залы. Зрители зачарованно слушали волнующие исповеди ровесниц века. На встречах цикла «Интервью на сцене ЦДЛ» писатели впервые услышали живые голоса легендарных Ирины Одоевцевой и Нины Берберовой.

За своими «Великими старухами» я охотился по всему свету. Их судьбы стали частью моей журналистской и личной судьбы. Я познавал их нелегкие характеры, их манеры, их капризы. Мариэтта Шагинян в минуты гнева бросалась в меня чернильницей, Ольга Капабланка-Кларк

пила шампанское наравне со мной — три бутылки на двоих, столетняя парижанка Ольга Голицына вышла на телеинтервью... в мини-юбке, чтобы продемонстрировать свои стройные ножки, Мария Чагина с жаром вспоминала, как за ней ухлестывал Сергей Есенин...

В 1990 году в США я «охотился» за Татьяной Яковлевой, возлюбленной Маяковского. Случайно я оказался в двух шагах от нее: мои русские друзья обитали в штате Коннектикут, где жили тогда Татьяна и ее муж, известный фотограф-стилист Алекс Либерман. Узнав телефон и позвонив, услышал: «Татьяна больна, позвоните через неделю...» К сожалению, через два дня я уезжал, и встреча с адресатом любовных стихотворений Маяковского не состоялась. Да, не всегда везет тому, кто ищет. В то время я задумал книгу об оставшихся в живых Романовых, посетил многих, но, увы, кого-то уже не застал... Не успел я увидеть и непревзойденную Жизель — великую русскую балерину XX века Ольгу Спесивцеву, звезду императорских театров, партнершу Нижинского и Лифаря, в безвестности покинувшую этот мир в 1991 году под Нью-Йорком. Не успел, не застал, не нашел... Круг тех, кто мог свидетельствовать о прошлом, сужался. И мне говорили: «Где же вы были лет пятнадцать тому назад?»

Но, с другой стороны, многие мои героини были рядом, в Москве. Именно здесь я познакомился с Татьяной Ивановной Лещенко-Сухомлиной, одной из самых ярких русских женщин. А Галина Сергеевна Серебрякова! Ее судьба страшно покорежена в годы деспотии, кровавого террора — ведь Галина Иосифовна более двадцати лет отбыла в сталинских лагерях и ссылке. Но выжила, поднялась на вершину творческого духа и славы.

Со многими я подружился, некоторым помогал писать мемуары, с кем-то ездил по свету, получал в подарок как библиофил книги их воспоминаний, фотографии...

В общем, мне посчастливилось тесно и творчески плодотворно общаться с людьми, которым Бог подарил яркую, богатую событиями жизнь.

Почему «старухи»? Да, так, по лингвистической прихоти. Режет слух, возмущает, щекочет нервы. Наверное, не каждая, даже в 90, согласится с такой «припечаткой». Ни одна не хочет откликаться на «старуху». Но на «Великую старуху» — тут можно и уступить! «А почему нет? Старуха в смысле мать, прошедшая огни и воды», — говорила Джуна Давиташвили. «Феликс, я старуха с самого рождения, потому что несу в себе трагедию моего древнего цыганского народа», — восклицала певица Валентина Пономарева...

А почему Великие? Да по всему: по крутой натуре, по деяниям, по противоборству нелегкой судьбе. Они — железные женщины, пережившие Сараево, газы, Великую Октябрьскую, расстрел в ипатьевском подвале, Гитлера, падение Парижа, Освенцим, Хиросиму, ад большевизма, взрыв храма Христа Спасителя, колхозы, «дело врачей», коммунальные пытки, кровавую давку на Трубной 9 марта 53-го, «лихие 90-е», «МММ», пропавшие «похоронные»... Видели, чувствовали, обжигались, но выживали. Конечно, они великие.

Да, у некоторых, как сказала о себе Мариэтта Шагинян, «столетие лежит на ладони», другим, конечно же, еще далеко до этого рубежа, но на их долю выпало так много переживаний — и светлых, и драматических...

Так лихо назвать книгу подвиг меня, возможно, хранившийся в подсознании распространенный в артистической среде титул-амплуа знаменитых актрис Малого театра Яблочкиной, Гоголевой, Турчаниновой, Пашенной — «Великие Старухи». А может, толчком стало стихотворение Евгения Евтушенко «Старухи»:

В тот день высоким обществом старух
я был допущен к бубликам и чаю.
Царил, спасенный ото всех разрух,
естественной изысканности дух,
какой я нынче редко замечаю.

Старухи были знамениты тем,
что их любили те, кто знамениты.
Накладывал на бренность птичьих тел
причастности возвышенную тень
невидимый масонский знак элиты...

...А сколько войн, их души не спая,
Прошло по ним в своих пожарах гневных:
Две мировые, и одна своя,
и тыщи беспожарных, ежедневных....

Может быть, перелистывая эту книгу, иной читатель увидит во мне некоего искателя приключений, охотника за призраками, но я считаю: судьбы моих собеседниц, порой наивные, и «позавчерашние» суждения некоторых из них (строй мысли и интонацию я старался сохранить, а даты, поставленные в конце, говорят сами за себя) — это хроника XX века, зафиксированное прошлое.

Замечу, что ничто в мире не пропадает бесследно, и профессия журналиста (а в ней мой любимый жанр подробного биографического интервью) не так досужа и легка, как может показаться на первый взгляд. На самом деле это эмоционально изнурительная работа, ибо каждая встреча, каждая история жизни оставляют царапину в душе, а герои, поведавшие о себе, остаются со мной. В моей телефонной книжке сотни и сотни московских, парижских, нью-йоркских, римских, венских телефонных номеров, по которым сегодня уже некому звонить. Целый «Титаник». Но наше вчерашнее — мои Великие старухи и мои Великие старики (следующий том под таким названием готов к печати) не ушло из своего века, не погрузилось во тьму. Оно живо хотя бы в моих книгах, в моей памяти. Значит, мой «Титаник» не затонул...

P.S. В Интернете у какого-то рафинированного блогера вдруг неожиданно наткнулся на отличные пассажи о двух моих героинях.

«Татьяна Лещенко-Сухомлина — переводчица Лоренса, Золя, Сименона. После возвращения из любимого Парижа и долгого воркутинского срока на любимой родине свое долгое будущее проживала со вкусом, с легким и веселым шлейфом аромата Rive Gauche YSL, под музыку усадебных романсов и бурных собственных романов, которые заводила и в 90 лет! Она потягивала рюмочку зеленого ликера и говорила: «ВКУСНО»! И никаких сомнений не оставалось: ВКУСНАЯ ЖИЗНЬ.

Нина Берберова, СТАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА, которой выпал долгий век; повсюду ею помеченный «КУРСИВ МОЙ». В 70 лет научилась пользоваться компьютером, без которого потом не могла прожить и дня. Как-то обронила: «Я не умею любить прошлое ради его «погибшей прелести» — всякая погибшая прелесть внушает мне сомнения: а что, если погибшая она во сто раз лучше, чем непогибшая? Мертвое никогда не может быть лучше живого».

Феликс Медведев

Глава 1

Мимолетная встреча с Анной Ахматовой

«Ну что ж, в вашем возрасте многие пишут стихи...»

ЛЕНИНГРАД. УЛИЦА КРАСНОЙ КОННИЦЫ, 4

Давно забылось, когда и от кого мог я услышать имя Анны Ахматовой. В пору взросления и сближения с литературой, со стихами я жил в стокилометровом отдалении от Москвы, в городке Покров на границе Московской и Владимирской областей. Река Киржач с небольшим мосточком в несколько метров служила культурным и, я бы сказал, идеологическим водоразделом, потому что по одну его сторону географически-административно заканчивалась Московская область, а по другую — начиналась Владимирская. А это, как сказали бы в Одессе, «две большие разницы». Все социально-политические изменения в огромной советской державе в городок Покров приходили позже, чем приходили они к людям, проживающим по ту сторону моста. (Кстати, до сих пор Владимирская область считается наиболее ретроградной, входящей в «красный пояс» России.)

Родившись в Москве и прожив в столице до пяти лет, после развода матери с отцом я оказался на Владимирщине, которая стала мне как бы полуродной. В городе По-

крове, стоявшем на Горьковском шоссе, я и окончил среднюю школу, где творчество Ахматовой даже в старших классах мы, конечно же, не «проходили».

Правда, получив в 13 лет в подарок от моего московского деда Золтана Партоша (эту фамилию я носил до 8 класса, пока мама не вышла второй раз замуж за председателя колхоза Н. А. Медведева) пишущую машинку, купленную в магазине на улице Горького напротив концертного зала Чайковского, я начал заниматься самообразованием. До сих пор храню в своей библиотеке напечатанные на машинке блокноты со стихами Маяковского и Есенина из книг, взятых в райбиблиотеке. С той поры помню наизусть многие стихи, в том числе поэму Есенина «Анна Снегина».

Шли глухие послесталинские времена. До хрущевской «оттепели» было еще несколько лет. Первый после огромного перерыва тоненький сборничек стихов Анны Андреевны Ахматовой под скромным названием «Стихотворения» объемом 130 страниц издали только в 1958 году. Это я и купил в очередной приезд в Москву в только что открывшемся «сотом» книжном магазине на улице Горького. Книгу выпустило Государственное издательство художественной литературы «под редакцией» официального поэта Алексея Суркова.

Открыв сборник и прочитав первые же стихи, я почувствовал неведомую доселе дрожь во всем теле. Ничего подобного я не испытывал при чтении стихов Маяковского, Есенина, других поэтов, книги которых попадали мне в руки. Ведь так называемая интимная лирика в те времена была под запретом. Самым знаменитым лирическим четверостишием слыли строки Степана Щипачева про любовь, которая «не вздохи на скамейке и не прогулки при луне».

И вдруг читаю:

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,

Не знаешь, как устала я,
Я не решалась лечь.
Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.
И знать, что все потеряно,
Что жизнь — проклятый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад!

Или о Пушкине:

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть!

Или:

Что ты бродишь, неприкаянный,
Что глядишь ты не дыша,
Верно, понял: крепко спаяна
На двоих одна душа.
Будешь, будешь мной утешенным,
Как не снилось никому,
А обидишь словом бешеным —
Станет больно самому.

Я был ошеломлен. О таких сокровенных, тонких чувствах женщины я еще не читал. Короткие строчки как бы сами собой ложились в память, и всю эту стотридцати-страничную книжечку, за исключением переводов корейско-румынских поэтов, я помню до сих пор. И мне так захотелось увидеть автора этих строк... Хотя бы издалека...

Под впечатлением творчества Маяковского, Есенина и Ахматовой я начал кропать в рифму. Каждый день после уроков в школе я уходил в лес, что в полукилометре от дома, с блокнотом в руках. И сочинял, сочинял... Мне было 17 лет, и я был уже давно влюблен в 13-летнюю девочку с соседней улицы, которой и посвящал стихи. К окончанию школы накопилась целая тетрадь моих сочинений, ее-то я и послал в областную писательскую организацию. И каким сюрпризом для меня стал однажды принесенный почтальоном конверт с официальным штампом, где находилось приглашение на областное совещание молодых литераторов! Мои стихи понравились местным литературным мэтрам, а также привлекли внимание приехавшего из Москвы еще мало кому известного поэта Андрея Вознесенского, который рекомендовал Владимирскому издательству выпустить книжку моих стихов. Она вышла в начале 1960-го года. Как сказал Маяковский, «так начинают жить стихом».

А через год меня призвали в Советскую Армию, и я оказался на западной границе нашей необъятной державы, где три года прослужил в ракетных частях Прибалтийского военного округа под Калининградом.

В один прекрасный день, когда мое дивизионное начальство узнало, что я начинающий журналист и литератор и что у меня дома есть пишущая машинка, оно решило откомандировать меня за ней в родные пенаты. «В нашем штабе не хватает этого инструмента. Даю тебе неделю отпуска», — сообщил мне комдив. Сошедший с ума от счастья, я ринулся в канцелярию оформлять отъездные документы.

И тут в моем подсознании родилась мысль: «Дорога в Москву может идти и через Ленинград. А что если найти там Анну Ахматову?» Сразив начальство страстным желанием «посмотреть на крейсер "Аврора", я выпросил разрешение на нестандартный железнодорожный крюк. И в моей тоненькой записной книжке (кстати, сохранившейся до сих пор) появились заветные адрес и телефон: Ленинград, ул. Красной Конницы, д. 4, кв. 3, телефон А-2-13-42.

Ахматова Анна Андреевна. Помог Андрей Вознесенский, с которым я переписывался и в армии.

В Ленинграде я оказался впервые и не имел никакого представления о том, где находится эта улица Красной Конницы. Помню, когда я спросил какого-то интеллигентного пожилого человека о том, как найти нужный мне адрес, он ответил: «Это рядом со Смольным собором, поезжайте на таком-то трамвае, там найдете...».

Дальнейшее в моей памяти прокручивается, точно в тумане: мгновение за мгновением, шаг за шагом... Иду по улице Красной Конницы, голова запрокинута, прохожу дом за домом. Вот он, в самом начале, дом номер 4. Волнуюсь все больше, но почему-то совершенно уверен, что сейчас Ее увижу. Подхожу к первому подъезду, останавливаюсь перед тремя-четырьмя ступеньками вверх. Парадная дверь. Открыта. Вхожу в общий коридор, передо мной квартира номер 3, нужно только подняться еще на несколько ступенек. Стучусь. «Вы к кому?» — в открывшуюся дверь спросила меня пожилая женщина. — «Здесь живет Анна Ахматова?» — «Да, она дома... Но она переезжает». И только тут я заметил, что все кругом уставлено сумками и тюками.

Женщина впустила меня и исчезла в темном коридоре. А я услышал, как она, постучав в дверь, проговорила: «Анна Андреевна, к вам какой-то солдат!»

Через минуту передо мной предстала полная, седая, как мне показалось, уставшая дама. Сделав навстречу два шага, она спросила: «Что вам угодно?»

Нужно заметить, что до этой секунды я не представлял, как выглядит великая поэтесса. Да и где мог я увидеть ее фотографии? В нашей покровской библиотеке книг Ахматовой не было, собрание моего деда в основном состояло из книг на венгерском языке, в Ленинку я еще не успел записаться.

— Простите, меня зовут Феликс Медведев. Я еду из Калининграда, где служу в армии, в Москву навестить маму. А вы Анна Андреевна?

— Да, я Анна Андреевна.

— Мне очень хотелось с вами познакомиться, я тоже пишу стихи...

— Ну, что ж, это приятно. В вашем возрасте многие пишут стихи.

В этих словах, в том, как она их произнесла, я почувствовал некую отстраненность. Словно прочитав мою мысль, Ахматова мягко промолвила: «Молодой человек, желаю вам научиться писать хорошие стихи, но, извините, сейчас я не могу пригласить вас к себе, у меня люди, помогают паковать книги. Я переезжаю на другую квартиру...».

Простившись, я вышел на улицу. И тут же очнулся: ведь у меня в сумке лежал тот самый зачитанный мной сборник ее стихов. Автограф! Как же я мог забыть о нем? В нерешительности остановился, не вернуться ли? Но не хватило смелости. Потом долго-долго сожалел об этом... Сожалею и сейчас. А книжка, конечно же, сохранилась в моей библиотеке.

1961

С той встречи прошло полвека.

ПЯТЫЙ ИНФАРКТ АННЫ АХМАТОВОЙ

Пушкин умер в своей квартире после дуэли. Гроб с телом поэта везли в Михайловское на воронях. Хоронили тайно, без лишних взглядов.

Убитый на дуэли под Пятигорском Лермонтов несколько часов пролежал под проливным дождем. Секунданты разбежались по домам.

Больной, истощенный Блок ушел из жизни весьма кстати для новой власти. Поди разберись с его «двенадцатью» персонажами — «за» они или «против».

Великий русский поэт Анна Ахматова умерла в спецсанатории для инфарктников 5 марта 1966 года. 3 марта ее сюда доставили, 5 — она скончалась. Что называется, везли умирать. Ни одна газета Советского Союза (кроме ве-

домственно-литературной — в пяти строках) не сообщила об этом страшном событии. Поэта Ахматову боялись. И при жизни, и после смерти.

Кого ж это так,
Точно воры вора
Пристреленного —
Увозили?..
Изменника? — Нет,
С проходного двора —
Умнейшего мужа России!

Это о Пушкине, но Цветаева будто предчувствовала, как будут хоронить ее петербургскую сестру по поэзии.

Санаторий «Подмосковье», что в сорока минутах езды от Москвы в сторону аэропорта Домодедово, сейчас принадлежит Управлению делами Президента России. Отдыхает и лечится здесь, если выражаться языком прошлого времени, партийно-правительственная и культурная элита: от министров до народных артистов. Прошли через «Подмосковье» когда-то со своими недугами Лемешев и Райкин, Ойстрах и Марецкая, Андровская и Яншин.

Однажды волею судеб я оказался здесь в летние дни. Поселили меня в корпусе номер один, большом семиэтажном здании. С седьмого этажа открывается такая красотища, что дух захватывает: бескрайний лес, речка Рожайка, поле, пришедшее из древности и пока не застроенное новорусскими коттеджами. А гул домодедовский почти не слышен — конечно же, маршруты лайнеров проходят в стороне.

За верхушками сосен еле проглядывает корпус номер два. Как-то, гуляя по огромной лесной территории, я вышел к небольшому двухэтажному зданию.

Стал обходить его и вдруг замер — между окнами на первом этаже на мраморной доске выбиты строки: «Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце... Анна Ахматова. 1889—

1966»... Что это? Может, хозяева здравницы — любители поэзии — выбрали прекрасные стихи для воодушевления отдыхающих? Но как-то тревожно они звучат...

Через пять минут уже знал: последние часы ее жизни прошли здесь, в этом доме. Загорелся, стал расспрашивать, но на вопросы или не отвечали, или говорили скупой, полупшепотом... В библиотеке снял с полки том Л. Чуковской¹.

Предсмертная хроника в воспоминаниях Лидии Чуковской

15 ноября 1965. Комарово

Дурной день... Анна Андреевна в Боткинской... Только бы не инфаркт. Ведь это будет уже третий... или даже четвертый. Беда.

1 декабря 1965. Комарово

Заходил ко мне Иосиф (поэт Иосиф Бродский. — Ф. М.). Он только что приехал из Москвы и трижды навещал Анну Андреевну. У нее инфаркт. Тяжелый...

19 декабря 1965. Москва

Я только что от нее... Анна Андреевна лежит на спине, на высоких подушках, вытянув руки вдоль тела. Не ворочается. Шевелит только головой и кистями рук... Инфаркт. По медицинскому счету третий, по ее собственному — четвертый... А сколько их может выдержать человек вообще? Одна надежда на ее гениальный организм... Да с чего я, собственно, взяла, что Анна Андреевна умирает? Ведь видела же я ее после инфаркта там, в Ленинграде, в больнице Гавани... Она встала, опять Ордынка, опять Комарово, встречи с друзьями, писала стихи, сердилась, радовалась, из Ленинграда в Москву, из Москвы на Запад. Жила. И теперь так будет.

Из дневниковых записей Анны Ахматовой

9 января 1966

Врачи, видимо, считают мое выздоровление чудом... Слово это вовсе не из медицинского словаря, но я слышала, как один профессор употребил его, беседуя с моим лечащим врачом. Врач настаивала, чтобы я прямо из больницы ехала в специальный послеинфарктный санаторий. Я и не подумаю. Отсюда на Ордынку. Пока не повидаюсь со всеми друзьями, не уеду ни в какой санаторий.

Из хроники Лидии Чуковской

23 января 1966

Я спросила, что говорят врачи, скоро ее выпишут из больницы и куда она после больницы отправится.

— Выпишут меня скоро. Уже научилась ходить, требуют, чтобы я ни в коем случае после больницы никуда не ехала, кроме специализированного санатория. Сразу. А я поеду на Ордынку.

5 марта 1966 года, вечер

— Мама! Случилось ужасное несчастье. Сегодня утром в Домодедово умерла Анна Андреевна.

В санаторной библиотеке в связи с моими расспросами вспомнили о давно ушедшем на пенсию враче Маргарите Юзиковне Ваганьянц, на руках которой умерла Ахматова: «Если вам это важно, можем дать адрес и телефон, но вряд ли она вас примет, ей много лет, тяжело болеет. Да и все ли помнит, столько времени прошло...».

Позвонил и услышал приглушенный, интеллигентный женский голос: «Журналист? Рассказать об Ахматовой? Ну, что ж, приходите, когда вам удобно...».

Рассказ Маргариты Юзиковны Ваганьянц

— Я 23-го года рождения и училась в школе, когда изучали Демьяна Бедного и Маяковского, а Пушкина и Лермонтова «проходили» как бы вскользь. А я тем более мало что знала, так как училась в Махачкале, это значит: летом — море, зимой — школа. Стала врачом, и судьба забросила меня сюда, в этот санаторий. У нас в основном отдыхают здоровые приезжающие, что называется, на своих ногах. Но, бывало, присылали больных из кремлевских поликлиник, это были высокие начальники, капризные, требовательные.

3 марта мне позвонила старшая сестра и сказала, что привезли из Боткинской больницы пациентку Ахматову. Сестра тоже не знала, кто это такая: Ахматова и Ахматова. Мой кабинет лечащего врача находился на первом этаже, я вышла встретить поступившую, мне сказали — очень тяжелая. Наш санаторий занимался и больными, перенесшими два-три инфаркта, со всякими осложнениями...

И вот я вижу: не идет, а шествует седая грузная женщина. Меня поразила ее осанка — царственная, королевская. Обычно старушки ходят как-то приземленно, смотрят вниз, а тут медленно идет пожилая дама со слегка приподнятой головой, с какой-то особенной статью.

Но когда она подошла поближе, я сразу подумала: «Боже мой, зачем же ее прислали? Да еще из Боткинской больницы. Ведь там очень хорошие врачи, неужели они не поняли, что это крайне тяжелая больная?» Ахматова, как потом выяснилось, перенесла уже три или четыре инфаркта.

Я встретила пациентку, представилась, проводила в палату № 132, пригласила располагаться, отдохнуть с дороги. Через полчаса пришла осмотреть. И все это время меня не покидало чувство тревоги — уж очень она была тяжела: бледное лицо, синие губы, синий кончик носа, синие уши и вид изможденный, дышала крайне тяжело. Это была явно стационарная больная, а не санаторная. Как же могли

ее выпустить из московской больницы, отпустить без примотра врача? Привезли же Анну Ахматову на 24 дня.

Первая беседа, обычные вопросы о самочувствии. Она стала жаловаться, но немного, я бы сказала: интеллигентно немного. Так что долго я ее не расспрашивала. Иногда, знаете, бывает, смотришь на тяжелого больного и думаешь: Господи, помоги, чтобы он уехал отсюда на своих ногах. Тот день, 3 марта, прошел спокойно. Я назначила ей, конечно же, постельный режим, питание в палате и медикаментозную терапию. 4 марта у меня был выходной, и я с больной не общалась, за ней следил дежурный врач. Но она его не вызывала.

Когда 5 марта я вышла на работу, мне ничего особенно не сказали. Все было спокойно. И вот я делаю утренний обход, сначала, как водится, захожу к тяжелобольным. Зашла к Анне Андреевне.

Чувствовала она себя более или менее нормально, сидела в кровати, высоко в подушках. Я померила ей пульс, давление, послушала, расспросила. Все ничего... Думаю, найду еще раз попозже, накануне ей делали электрокардиограмму, надо посмотреть, что там. Только я поднялась на второй этаж, где врачи собирались в кабинете слушать доклад дежурного доктора, вижу: бежит дежурная сестра — скорей, скорей, Ахматовой плохо! Мы с заведующим отделением бегом вниз, сестры за нами. У пациентки резко повысилось давление. Стали внутривенно вводить нужные препараты, чтобы его снизить, снять сердечные боли. Но это не помогло, все наши действия уже не дали результата: Ахматова умерла.

Смерть всегда потрясает. Да еще если она приходит к больному на твоих глазах, на твоих руках. У Ахматовой случился очередной инфаркт. Винават тот доктор, который разрешил ей ехать в санаторий. Он поступил легкомысленно. Тем более что 1 марта Анна Андреевна чувствовала себя очень плохо. Если бы ее состояние было хоть чуть-чуть полегче, мы бы, может быть, и смогли поставить ее на ноги.